

Литературные известия

№ 1 (235)

Январь 2025

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня
в номере:

Атланты литературы

*

Они ушли. Они остались

*

Поэзия

*

Проза

*

Афоризмы

*

Рецензии

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идушая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!

www.writer21.ru
т. (495) 978-62-75

Реклама в газете

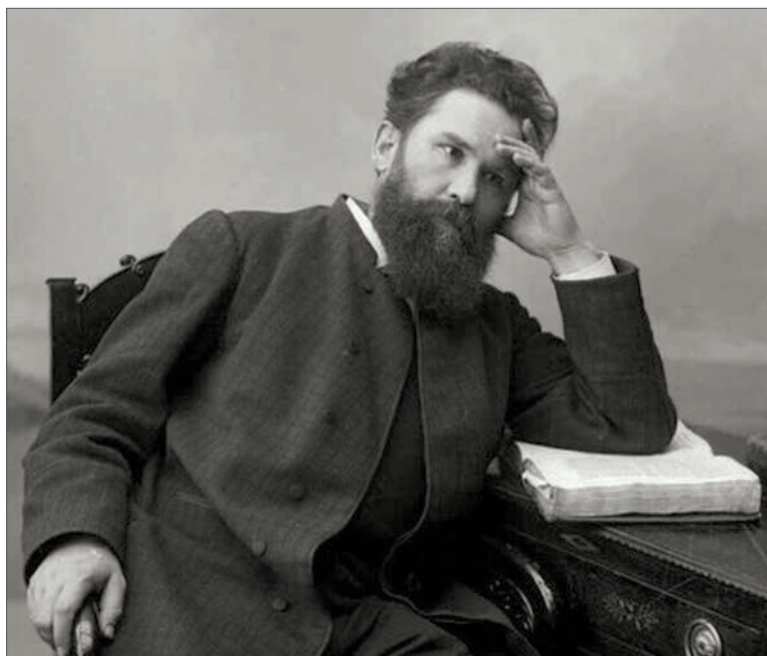
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»

Вас прочтут
в 75 странах мира!

Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — замечательный русский писатель, наделенный ярким, светоносным талантом. Неодолимое «влечение к свету»¹ — в основе рассказов, повестей, очерков, четырехтомной «Истории моего современника» (1905–1921).

Этими художественно-историческими мемуарами, которые Короленко писал до последних дней своих, но так и оставил незавершенными, восхищался А. М. Горький (1868–1936): «Взял я превосходную эту книжку в руки и перечитал ее еще раз. И буду читать часто, — нравится она мне все больше и серьезным своим тоном, и этой, мало знакомой современной нашей литературе, солидной какой-то скромностью. Ничего кричащего, а все касается сердца. Голос — тихий, но ласковый и густой, настоящий человеческий голос»; «На каждой странице чувствуешь умную человеческую улыбку много думавшей, много пережившей большой души». Горький видел в Короленко «идеальный образ русского писателя».

В 1913 году в юбилейной статье к 60-летию писателя совершенно справедливо было отмечено: «Такие люди, как Короленко, редки и ценны.

Н. С. Лесков (1831–1895) — в те годы уже маститый писатель. Он назвал имя Короленко в числе самых талантливых русских литераторов нового поколения: «Пока еще есть читатели, — нужны и писатели, без участия которых непременно ощутил бы недостаток в чтении. И притом в числе молодых беллетристов есть люди с хорошими дарованиями и тоже с здоровым реальным направлением. Говоря это, хочется назвать г. Гаршина, который пишет прекрасно и который далеко еще не достиг предела полного развития своего таланта. За ним, может быть, следовало бы упомянуть Короленко и молодого писателя Чехова, начинающего писать в том же реальном направлении»².

В. М. Гаршин (1855–1888) и А. П. Чехов (1860–1904), в один ряд с которыми Лесков поставил Короленко, восторженно отзывались о его личности и творчестве.

Чехов был восхищен первой книгой рассказов и повестей Короленко, увидевшей свет в 1886 году. Особенно выделил Чехов рассказ «Соколинец (Из рассказов о бродягах)», который назвал «самым выдающимся произведением последнего времени».

«ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ» (ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО)

«Доколе Свет с вами, веруйте в Свет,
да будете сынами Света» (Ин. 12:36)

Мы чтим в нем и чуткого, будящего художника, и писателя-гражданина, и писателя-демократа».

Одним из первых большое литературное дарование Короленко рано заметил и высоко оценил

Гаршин также воспринял книгу Короленко с восторгом и сердечной теплотой: «Я ставлю его ужасно высоко и люблю нежно его творчество. Это еще одна розовая полоска на небе; взойдет солнце, еще нам неизвестное, и всякие натуралисты, боборыкизмы и прочая чепуха сгинут».

Короленко отмежевался от новомодного в то время натурализма, опираясь на художественные достижения отечественных классиков литературы. Особенно ему был близок реализм И. С. Тургенева (1818–1883), одухотворенный романтической традицией. На это свойство дарования Короленко указал Н. Г. Чернышевский (1828–1889): «Это большой талант, это тургеневский талант».

Как и Чернышевский, Короленко за свои социально-политические, демократические убеждения, за желание помочь угнетенному народу и «едкое чувство вины за общественную неправду» пережил аресты, ссылки, скитания, гонения, цензурные запреты. Однако, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, он был и продолжал оставаться писателем на удивление светлым, позитивным, жизнелюбивым. «Я вообще человек не унылый и не пессимист» (2, 473), — признавался Короленко в одном из своих писем.

В рассказе «Парадокс» (1894) писатель приводит «поучительный афоризм» (2, 367), который навсегда вошел в русский язык крылатой фразой: «Человек создан для счастья, как птица для полета» (2, 368).

Продолжение на стр. 10

НОВОСТИ

ГРУППА «ЭЛЬФ И ЛЮДИ» И СТИХИ ОЛЬГИ ЕФИМОВОЙ

4 января 2025 года в московском клубе «Китайский летчик Джао Да» в финале третьего сезона фестиваля «ДА Фест» выступила группа «эльф и люди» в акустическом составе: вокал — певица и композитор, лидер коллектива **Alienora**, гитара — музыкант-мультиинструменталист **Дэн Скурида**. Прозвучали оригинальные авторские композиции, а также песни на стихи **Ольги Ефимовой**, известной поэтессы, постоянного

автора журналов «Урал», «Дети Ра» и редактора Союза писателей XXI века.

«эльф и люди» — независимый музыкальный проект, экспериментирующий в разных стилях: от неофолка до джаза. Тема малень-

кого человека в большом мире — основной мотив творчества группы. Острое переживание утреннего одиночества или прощание с приморским городом — эти «незаметные» события нашли отклик у слушателей, поскольку пронзительный женский вокал в сочетании со сложными партиями гитары поднимает «сквозную» тему русской литературы на новую высоту. Это живая жизнь, которая пульсирует среди нас и в нас.

Страница группы ВКонтакте: <https://vk.com/elf.and.people>

Telegram-канал: https://t.me/s/elf_and_people

Вера КИУЛИНА,
фото Екатерины КАЗАНЦЕВОЙ

ПОЭЗИЯ

МАРК РОЗОВСКИЙ
И К НЕБУ РВЕТСЯ ЗВУК

Марк Розовский — драматург, режиссер, поэт, прозаик, художественный руководитель театра «У Никитских ворот», заслуженный деятель искусств РФ, Народный артист России. Родился в 1937 году в Петропавловске-Камчатском. Закончил факультет журналистики МГУ и Высшие сценарные курсы. Автор книг «Режиссер зрелища», «Дело о «конокрадстве»», «Изобретение театра» и др., пьес «Кафка: отец и сын», «Концерт Высоцкого в НИИ», «Триумфальная площадь» и др. Живет в Москве.

МОРОК

Работа — рок и морок мой.
Идти с работы не хочу домой.

* * *

Все в мире бrenно. Но особо скверно:
Одна лишь Смерть бессмертна. Верно?

* * *

Когда тебя берут завидки,
В душе твоей клоочут недобитки.

ОЗНОБ

Дрожит земля. Дрожат дома.
Дрожат спина, рука и губы.
Трепещут книжные тома.
Но книга и кино беззубы.

Всеобщий нутряной озноб
Души (она чуть-чуть устала),
Пока нас не положат в гроб,
Чтоб нас существенно не стало.

* * *

Живому недругу я не желаю смерти.
Он — сволочь. И мне дорог он, поверьте.

Кабы не он, кого ж еще прощать?
А не простишь — так можно атеистом стать.

Ведь он, я знаю, люто ненавидит тоже
Меня. Мы квиты. Жизнь сложна. И что же?

А то, что недруга попробуй полюбить.
Иначе сволочью такой же тебе быть.

* * *

Лежа в гробу, я думал о славе.
Все ж хорошо, что я здесь. Не в канаве!

* * *

Шестидесятники! Невольники свободы!
Без зонтиков в те годы непогоды!
Забыты явки, имена, пароли...
Но помнится, как нас любили и... пороли.

* * *

Жить не по лжи — завещано всем нам,
А с ложью жить — с грехами пополам.

* * *

«Я отряхну мои печали»
О. Мандельштам

Войдя в болотный мир запруд,
Я утону в зеленой жиже.
Неиссякаемый мой труд
Затягивает только ниже.

Не лучше ль бросить ремесло,
Огнем сверкнувшее в кристалле?
Нет! Не сдается естество,
Чтоб отряхнуть свои печали!

Сильней болота мой порыв.
Трудись — и выскочишь на сушу.
Лишь стойкость в жизни проявив,
Ты тело сохранишь и душу.

Перед листом я чую страх.
Перо стесняется, дрожит, хотя живуче.
И к небу рвется звук, запутавшись в лучах, —
Мой мир, мой дух неслыханно певучий.

Спасется слово и останется живым,
Лишь только если станет вроде слепка.
Оно-то точно знает: слава — дым.
Испепеляет душу едко и нередко.

Как будет сладко скоро умереть,
Вам крылышком махнув легонько на прощанье.
Но нету силы, чтоб могла стереть
С листа слова мои и дерзкие вязанья.

* * *

Даже солнце не сразу справляется с ночью.
Лишь когда чуть забрезжит рассвет.
Ночью мир разносится в клочья.
И надежды на свет нет как нет.

НАПРЯГИ

Бывает, просто не хватает тяги,
Но ты в труде будь непомерно крут.
Мне говорят: «Убавь свои напряги!»
Убавил. Умер ровно через пять минут.

РЕКЛАМА

ГАЗЕТА «ПОЭТОГРАД»

Печатный орган Союза писателей XXI века
и холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Газета учреждена в 2010 году
издателем Евгением Степановым.

Периодичность — 1 номер в месяц. 8 полос.

Газета выходит в электронном
и печатном видах.

Главный редактор — Евгений Степанов.

РЕКЛАМУ В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»
МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ!

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕНТИНА БУРУЛА
В ДНИ ОДИНОЧЕСТВА И ТИШИНЫ

Валентина Бурула — поэт. Родилась в 1983 году в Рязани. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Выпускающий редактор нескольких книг. Автор пьесы «Неизвестный Майоров», поставленной в Рязанском театре драмы. Несколько лет жила в Анкаре.

ИЗ АНАТОЛИЙСКОГО ЦИКЛА

Посвящается моим родителям

И снова утро. Продавец Али
Протягивает булочки. Он знает,
Как город, что раскинулся в пыли,
Мне книгу будней медленно читает.

А в выходной толпе на Туналы
Ловлю родную речь и в сумочку скорее —
В дни одиночества и тишины
Она меня еще согреет.

Лишь в час молитвы, что плывет сквозь зной
В мою распахнутую настежь душу,
Изгнание, я мирюсь с тобой,
Пусть только зной твой веру не иссушит.

Так дни проходят. Осень настанет.
Жена Али связала шарф. Он знает:
Здесь времени неспешен ход.
Он эту книгу сам давно читает...

2012

СТАМБУЛ

Прохладный сумрак, суетно и вязко,
Глоток свободы лишь Босфор.
Стамбульская сверкает сказка
Под улиц хор.

На Istiklal-Pera столпотворенье,
Почти что вавилонское. Ты будь
Внимательнее, путник, на мгновенье
Прерви свой путь.

Не пропусти огни и звуки эти:
Их праздник и дурманит, и пьянит.
Здесь randevu людей, культур, столетий —
Живой магнит.

Стамбул — художник, исполин, мечтатель,
Царь богачей, туристов и бродяг.
Он из своих не выпустит объятий —
Великий маг.

2013

ПРОСНУТЬСЯ

Проснуться рано думать о тебе
И говорить с тобой инфинитивом
Зажмуривать глаза сильнее
И чувствовать тебя так живо

Мы два крыла весенние Москвы
Нас утро укрывает покрывалом
И посылать поверх прохладной синевы
Друг другу письма стало ритуалом

И каждый раз загадываю я
Сквозь дрему проступающего дня
Что вот сегодня я смогу опять
Тебя по-настоящему обнять

2024

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Евгений Степанов — Президент Союза писателей XXI века, Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», кандидат филологических наук, литератор. Живет в поселке Быково (Московская область).

МЕЛОДИЯ: ТАМ И ЗДЕСЬ

Конечно, лучше дом, чем угол комнатенки.
И лучше миллион, чем жалкие гроши.
И — в отпуск на Гоа, и там сиди в шезлонге,
Гляди на океан, мечтай, стихи пиши!..

Я и сейчас пишу. И этого — довольно.
Не нужен отпуск мне и ни к чему Гоа.
Я, может быть, балбес, я, может быть, и голь, но
Мелодия во мне — свирельная! — жива.

1987, 2024, 2025

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Зазвонил телефон.
Наверное, опять мошенники.

2025

УЧЕНИК

Пишу в фейсбук* или в телегу
Печальные стихи о жизни.
А пес хромающий по снегу
Бежит, не жалуясь на хвори.

Судьба трясет меня по кочкам.
Мне больно. Я бесслезно плачу.
А кот, свернувшийся клубочком,
Поел — и радостно мурлычет.

И долбит дятел по сосенке,
И рад, что есть прокорм какой-то.
И воробьев чирики звонки —
Чирик-чик-чик. Хотя морозно.

...И я держусь. И у природы
Учусь, у братьев наших меньших.
И верю, что пройдут невзгоды.
И верю: будет жизнь полегче.

2025

* Фейсбук — социальная сеть, запрещенная в РФ.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Богат тот поэт, который может себе позволить скромный подзаголовок, украшающий титульный лист книги стихотворений: «Избранное из избранного». Во-первых, есть из чего выбирать, значит, творческая жизнь автора складывается успешно. Во-вторых, зарождение книги стихов как сознательного целостного единства требует от автора как поэтического «чутья», чтобы избранные стихи были прочитаны нами на одном дыхании, так и внутренней дисциплины. Требуется «включить логику», чтобы создать монолитную систему: это стихотворение нужно поставить первым, это включить в сборник, это оставить «за бортом», эти два, скажем, расположить друг за другом, а вот на этом — выдохнуть, остановиться и завершить книгу. Таким образом, мы наблюдаем авторское мировидение как органическую художественную модель, в которой нет ничего наносного, лишнего и которая устойчива к внешнему воздействию.

Выдающийся русский поэт Анатолий Аврутин подошел со всей серьезностью к составлению этого сборника. Жесткая самоцензура проявляется не только в отборе произведений. Лирический герой Анатолия Аврутина имеет звенящий «внутренний камертон»: малейшие отклонения от чистого звучания души вызывают у него не просто легкое беспокойство, а самое настоящее страдание:

И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохла гать,
И все Бога пытаю: «Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

Чувствуете, здесь нет самооправдания, мы не увидим здесь также «самоуничтожения паче гордости». Система ценностей автора — явное утверждение всего, что дорого русскому миру. Для русского человека Бог на первом месте — Господь, потом уже все остальное, причем вопреки давлению материального мира. Образ дороги в болотистой местности показывает нам, как много требуется человеку отваги, чтобы следовать Его заповедям. Настил из бревен и хвороста ненадежен, он часто проваливается, но без него продвигаться вперед невозможно — слева и справа топь, да и повернуть назад не получится: вряд ли хлипкие бревна выдержат. Идти можно только вперед, а вбок — никак, от лукавого это. Написано это отнюдь не декларативно и не нарочито. Поэзия лишь подсвечивает внутреннее состояние духа поэта, его мировоззрение.

Семья, традиции, преемственность поколений — эти темы волнуют поэта, заставляя и нас задуматься о том, как много упустило наше поколение. В автобиографическом стихотворении «Пианино» автор отмечает веки жизни своего рода и с грустью показывает, как постепенно от людей «уходит» музыка. Старшее поколение стремилось к высокому, несмотря на все ужасы войны (отец поэта играет мелодию одним пальцем, неумело, но с чувством), а его внуки (непуганое поколение) уже бездумно бьют по клавишам. Лишь иногда старый инструмент звучит так, как ему положено, — в полный голос:

В доме Моцарт звучит... Я ж гляжу виновато,
И мне все же сегодня дороже вдвойне
Тот нехитрый мотив, что отец мой когда-то
Одним пальцем неловко играл о войне.

Так и хочется включить «внутреннюю бабушку» и заорчать: «раньше было лучше», но разве это поможет?.. Если нет у человека тяги к чему-то, насильно ее не привьешь, можно лишь раз и навсегда отбить желание заниматься искусством. Но если есть в человеке жажда музыки, это высокое устремление — ей ничто не может помешать, мелодия зазвучит, даже будучи сыгранная одним пальцем...

Идейное и тематическое единство данного однотомника славно тем, что некоторые произведения, будучи, на первый взгляд, «неподходящими» по форме, при повторном прочтении оказываются более чем соответствующими жанровой специфике книги стихотворений. Иногда поэт отступает от классического канона и дарит нам нерифмованные строки,

Анатолий Аврутин

С чистого листа...

М.: «Вест-Консалтинг», 2025

например, короткую философскую притчу, в которой заключен целый пласт смыслов:

Предаст любимый —
придет страданье.
Придет страданье —
постигнешь душу.
Постигнешь душу —
навек прозреешь.
Навек прозреешь —
любовь узнаешь.
Любовь узнаешь —
предаст любимый.

Как это переключается с русскими фольклорными мотивами! Кольцевая композиция стихотворения приводит читателя в исходную точку. Поначалу не скрываешь разочарования: ну и зачем вся это причинно-следственная связь, вся эта долгая история, вызывающая в памяти стояние на распутье («направо пойдешь — коня потеряешь»)? А между этими закольцованными событиями — столько событий! Неоднократное переосмысление жизни. Проживание крушения надежд. Обретение себя в новом качестве. И напоминание о том, что ни одна земная ценность не является вечной. Это уже новый уровень и человека, и самого повествования. Благодаря сложной композиции все возвращается на круги своя, но обогащенная новым опытом, старая ситуация выглядит по-иному и переживается совершенно не так, как впервые. Это стихотворение можно продолжать и продолжать, ведь потенциал развития человеческой души неисчерпаем, но ограниченная продолжительность земной жизни вынуждает автора поставить финальную точку. Круг жизни также вынуждает человека отдавать дань своему земному существованию: страсть, любовь яркие чувства — его неотъемлемые спутники. И при этом не забывать смотреть на небо, и не забывать о скоротечности времени... Десять строк этого стихотворения анализируют проблемы жизни и смерти, любви и одиночества, свободы и привязанности, и это вполне подробная «инструкция» о том, как уберечь себя от любовной тоски.

В новой книге вообще немало «сложного» — вопросы о смысле жизни, о предназначении человека не дают поэту покоя. Анатолий Аврутин разрабатывает эту «вечную» тему, в том числе, и с помощью развернутой метафоры. Интересен образ «маленького человека», «подневольной спички в коробке», тоненькой палочки с серной головкой, от которой не зависит, на чьей стороне — добра или зла — будет полыхать зажженный ею огонь:

Бренчим... Не скажешь: «Не хочу!..»
Черкнут о злой фосфор...
Кому-то зажигать свечу,
Кому-то — жечь собор.

Тут мы почти не чувствуем разницы между поэтическим и обыденным использованием языка в речи. Смещение ударения в слове «фосфор» и вовсе придает стихотворному тексту разговорный оттенок. Мы слышим, как с нами говорит человек «старой формации»: величественное существительное «собор» (не просто церковь, а главный храм в округе!) по своему звучанию «перевешивает» название химического соединения. Собор — это наше, родное, символ принадлежности к русскому миру, начало, вокруг которого образуется понятие «соборность». А что такое «фосфор»? Так, творение недобрых рук... Обреченность, с которой поэт пишет про «не хочу», вызывает у читателя внутренний протест: как это, мы же люди, творцы своей судьбы и все такое... Ничего подобного. У каждого есть свое предназначение на планете, только реализуется оно порой в таких уродливых формах, что лучше их лишней раз не вспоминать...

А как свежа метафора обиды: в речку кинули камень, и по воде пошли печальные круги... В жизни мы нередко говорим «у меня тяжело на сердце», «носить камень за пазухой», но подобный контраст в стихотворении активного зла и бессловесного заставляет сопереживать кроткой речке, да и за собственным языком в реальной жизни лучше последить:

Но все минуло в одночасье,
И в успокоенной волне
Круги дрожащие угасли...
Но камень... Камень-то на дне...

Хорошо ведь, верно? Речь поэта чиста. Боль обиды принуждает нас к примирению, прощению, переоценке и восстановлению отношений, возможно, на более глубоком уровне. И предостерегает: «Не разбрасывайте камни...» Стихотворения Анатолия Аврутина ассоциируются со звоном хрустала, с его особой энергетикой гармонии и спокойствия. Замечательно стихотворение без названия, в котором автор воспекает поэзию как непостижимое сознанию действо:

Есть строки божественное чудо,
Где прозрень с тайною вдвоем
Все звучат, как скрипка... Но откуда
В скрипке звук?.. Взломаем — не поймем.

А дальше — величание Слова, вознесение таинства поэзии на недостижимую высоту:

Но идет сияние такое,
И идет такая благодать
Вслед за той божественной строкою,
Чью бессмертность смертным не понять.

Поэзия — это ведь не только рифмованный текст. М. Хайдеггер писал: «Поэзия есть установление бытия посредством слова». Что же касается категории «избранного», то сборник подобных стихотворений обычно служит поводом обернуться назад, окинуть взглядом минувшее. Вот и эта книга — своего рода «итоговая», что отнюдь не равно эпитету «безрадостная». Благодаря взаимосвязи стихотворений у читателя складывается целостное представление о движении поэтической мысли ее создателя. И мысль эта проста: «Слава Богу за все. Значит, так надо...».

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —
современная писательская организация, идущая в ногу со временем
и отвечающая потребностям творческих людей.

КАК ВСТУПИТЬ? • КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА? • КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Полную информацию Вы сможете найти на сайте организации

<http://writer21.ru/>

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Екатерина Яковлева
Декаданс
М.: «Вест-Консалтинг», 2025

Индивидуализм, классическое противопоставление собственной личности серости «толпы» в культуре декаданса доходит до полного ухода от реальности. Меня всегда удивляла непреодолимая тяга некоторых авторов к загробному миру — для них все эти косточки, черепушечки, вампиры, темные ангелы и прочие нечистые духи выглядят не страшно, а... страшно интересно. С точки зрения логики сложно объяснить эту тягу, разве что человек... репетирует, готовится к неминуемому?.. Да вроде бы рано, ведь любовная лирика в книге представлена весьма щедро, и страсти в стихах кипят нешуточные. Новый сборник стихотворений Екатерины Яковлевой своим названием отсылает нас к Серебряному веку, а содержанием — к столь любимому автором безвременью, состоянию «нигде», которое столь же масштабно, сколь и безнадежно.

Декаданс срывает с любви покров стыдливости. Это не стиль, а образ мышления, где неприятие жизни провоцирует испепеляющую страсть: можно все, поскольку оглядываться не на что. Становится возможной обезоруживающая прямота высказывания:

Похоть под пристальным слепящим оком,
Я с прозою не связана обетом,
Толпе нет места в сердце одиноком,
Никто не побежит за нами следом.

Стихотворения Екатерины Яковлевой отличаются яркой сюжетностью: к ним можно писать иллюстрации, а, кроме того, простота формы делает их отличным песенным материалом. Автор не только поэт, но и музыкант, а, значит, понимает, в какой форме донести до читателя эстетику пресыщения жизнью:

В черной комнате кровавый бархат,
С люстры осыпаются рубины,
Не вино, а переженный сахар
Изливают приторно графины.

Итак, декаданс, хоть и провозглашает упадок и кризис, упаковывает эти тревожные состояния в красивую обертку — скелет человека, если он не муляж в кабинете биологии, выглядит отталкивающе. Но помести этого недомертвеца за клавиши — и получится фантастическая картинка, в которой видится отсылка к анимированному фильму Тима Бёртона:

Мелодии обрывочной лохмотья
Летят за Черным Ангелом вослед,
Ну что же ты поник душой и плотью,
Над клавишами сгорбленный скелет?..

При всей своей безысходности художественный мир Екатерины Яковлевой завораживает. Автор не зовет нас к спасению: эта красота не удержит мир от падения в пропасть, но падать он будет красиво и с удовольствием... Декадентское настроение ныне падает на благодатную почву: время-то тяжелое, и все эти аметистовые планеты и вальсирующие чертенята призваны отражать наши собственные страхи и разочарования. По сути, декаданс — печальная и красивая игра в то, что в реальности является антиподом гармонии. Не хочется произносить это слово, поскольку романтики в состоянии перехода из жизни временной в загробный мир нет никакой...

Но декаданс — это игра, это когда гибнешь как бы понарошку, на публику, чтобы потом выйти и словить аплодисменты. Значит, сделать это нужно истово, войдя в роль, как лирическая героиня Екатерины Яковлевой, чтобы и от души пострадать самой, и заставить читателя сопереживать происходящему:

Миры разделят наш союз:
Тебя не будет в вечном крае,
Соленый поцелуя вкус —
Мы друг для друга умираем.

Драмы-то сколько, и нельзя сказать, что на пустом месте. По статистике, смерть близкого человека, как и развод — одно из самых травматичных событий в жизни человека, на шкале стресса, разработанной медиками, второе идет вслед за первым. Опять же, и здесь лирическая героиня Екатерины Яковлевой абстрагируется от реальности, как это свойственно декадентам: развернутая метафора, образ Любовника-Времени подводят читателя к тому, что не останется женщина совсем уж одна, найдет себе утешение, хотя и выглядит этот образ холодным и отстраненным. Мир вокруг женщины груб, косен и зол, что вполне в духе явления, давшего название сборнику. Поиск любви превращается в бегство от реальности, которое отличается трогательной искренностью:

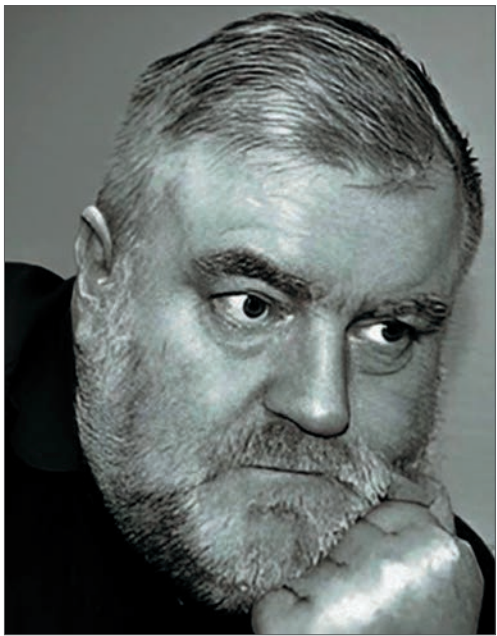
Наверное, все стало слишком грубым,
Мир потерял былую утонченность,
Тем притягательней алеют губы,
Тем горячий тобою увлеченность.

Не будучи уверенной ни в настоящем, ни в будущем, лирическая героиня Екатерины Яковлевой пребывает в непонятном, таинственном мире, находящемся даже не в оппозиции к миру вещей, а существующем параллельно с ним. Эта особенная модель художественного пространства, целая система умонастроений, порождающих внутренние конфликты, но вместе с тем не лишенных определенного единства. Мотивы тоски, неуют положения человека, с трудом выдерживающего испытания внешнего мира, одиночество и избранность поэта, — все это в стихотворениях Екатерины Яковлевой передается нам через мистические картины, персонажи которых отличаются своеобразным и полным драматизма существованием. Может быть, вообще ни на что не похожим. И последнее: соприкасаясь с «декадентским измерением», невольно задумываешься: а сам-то я радуюсь жизни, ценю ли то, что у меня уже есть?..

Надежда ДРОЗД

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

ПОЭЗИЯ АЛЕКСАНДРА АЛЁШИНА (1962–2024)

Точный образ русскости, резко данный через окуляры водки — резко, но нежно и плавно развивающимся стихотворением:

Наш человек — во всем
ужасный плут и лис.
Хотя везде всего,
какмышькота, боится.
Мы выпили за мир.

И тут уже подрались.
Чтобы потом
(под водку)
помириться.

Страшно смотреть в такое... зеркало?
Страшно признавать себя таким?
Но поэзия вовсе не обещала лстивых улыбок: читайте и соглашайтесь, а лучше меняйтесь...
Нет, конечно, никто, увы, не меняется от чтения поэзии.
Александр Алёшин тонко чувствовал русскую особость — и с устремлением в запредельность, с мечтательностью, дающей великолепные поэтические плоды, и с реестрами всех бед и невзгод, и... как зимы тянутся!
Пережить бы, не сойдя с ума:

Зима. Замерзают бомжи,
Уснувши на лавках «валетом».
Есть деньги и силы — бежи!
Беги за обманчивым летом!
Ищи на земле уголок,
Где зависти нету и злости.
Не сможешь бежать,
На полоч садись и выпаривай кости.

Плотно и образно: бомжи сии видны, но испытает ли кто меру сострадания? От парилки исходит жар, но счастье вечно обманно, потому что Россия — в полоску страна!
Точная формула.
Кристаллически сверкает каждая грань точности.

И — детский восторженный взгляд на мир, широко открытые глаза — словно видение, встающее за иными строками Алёшина:

Дождь — неизвестно откуда.
Дождь — неизвестно куда.
Это какое-то чудо — падает с неба вода!
Нитями падает — криво, в ярко-зеленую тишь.
Дождь — это очень красиво, если под крышей сидишь.

Дождь — счастье.
Дождь — грусть.
Все смешано в России...
Поэт, разбив свой словесный сад, уходит туда, где правит неизвестность...
И почему-то хочется надеяться, что она более благосклонна к стихам, нежели современный социум.

Александр БАЛТИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Монография Нины Красновой посвящена сборнику стихов Евгения Степанова «Младший брат травы». Этот сборник, вышедший в 2023 году, собрал лучшие стихи поэта. Чередуя регулярный рифмованный стих и весть верлибра, Евгений Степанов всегда предельно искренен и откровенен и открывает людям свой внутренний мир, простертый в космос...

Нина Краснова, исследуя книгу Степанова, подходит к делу глобально, для начала уточняя отношение к литературе:

«...Меня всегда удивляло и удивляет некое общепринятое разграничение таких понятий, как "литература" и "искусство". Например, когда говорят о представителях культуры, что они — "представители литературы и искусства". Как будто искусство — это только музыка, живопись, скульптура, балет, танец, театр, кино, цирк, а литература — не искусство. Но литература — это тоже искусство! Искусство поэзии и прозы, искусство Слова! А высшая форма искусства Слова, высшая организация речи — это поэзия, символ красоты...».

О, разумеется так, а искусство — от слова искусный; и искусство, меру мастерства Евгений Степанов демонстрирует щедро, граня и чеканя строки, стремясь к предельному сжатию оных, к максимальной емкости, которой успешно достигает.

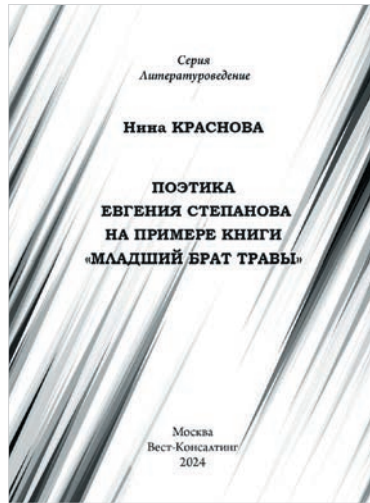
Лапидарность Степанова — мускульно-музыкального свойства, особая, лучевая, пронизанная корневой оригинальностью: ни с кем не спутаешь.

Нина Краснова, погружаясь в пласты недавней истории, вспоминает и широкие дискуссии о поэзии, когда она была социально-значимым феноменом... Как так получилось, что перестала быть таковой?

Но у Евгения Степанова — все получилось. Книгой «Младший брат травы» — особенно концентрированно. Что главное? Главное то, что получилось сказать свое слово: неповторимое, многогранное, своеобычное.

Краснова исследует социальность и гармонию степановского стиха, его одновременное тяготение к вечности и актуальности, скорее — к актуальности, рассмотренной через призм и окуляры вечности.

Нина Краснова
Поэтика Евгения Степанова
на примере книги
«Младший брат травы»
М.. Вест-Консалтинг, 2024

Щедра в цитатах, Краснова анализирует тончайшие нюансы поэтической ткани, созданной Степановым, тонко проводя грани между просто стихами и поэзией:

«А что значит — быть поэтом? Это, как считает Степанов, не обязательно писать стихи, а это значит — чувствовать все хорошее и прекрасное и нести все это в "форме света" в своей душе и излучать этот свет и дарить людям. Есенин говорил, что "быть поэтом — это значит... петь по-свойски, даже как лягушка"».

Петь по-свойски...

Евгений Степанов именно это и делает — словно и в траву саму перевоплощаясь, и социальные явления воспринимая сердцем сердца, и аккумулируя тончайшую энергию мудрости.

Краснова исследует рифмы Степанова: он часто дарит читателям необыкновенные, новонайденные созвучия, добывая необычные, запоминающиеся рифмы в золотоносных жилах языка.

Составные, усеченные, анаграммные, точные и неточные, ассонансные — весь диапазон использует Степанов, насыщая стихи свои предельно богатым звуком; не говоря о внутренних рифмах, всегда служащих торжеству гармонии.

Евгений Степанов стремится к освоению всех возможных поэтических полей. Отдельно исследует Нина Краснова столь своеобразное поэтическое явление, как одностопишия — в исполнении Степанова, разумеется.

О, здесь нужна предельная концентрация мысли и... особый способ чувствовать — только значимые слова, только вершины смысла.

Отдельно — альфа чувств, любовь. Здесь, изучая оную тему в трактовке поэта, Краснова деликатна, поскольку речь пойдет о трагедии поэта, о том, как смерть вплетается в любовь, не отменяя, но продолжая ее.

Логично, что следующая глава монографии Красновой посвящена теме смерти, разработанной Степановым: он демонстрирует здесь виртуозность мудрости, словно — фибрами сердца — ощутив бесконечность жизни и стремясь благородно заразить этим ощущением читательскую аудиторию.

Разнообразно проанализировав книгу Евгения Степанова, Нина Краснова логично завершит свое исследование подборкой стихотворений — тех, что исследовала, закруглив (ведь круг — символ мира, своеобычный знак совершенства) таким образом свой трактат о ярком современном поэте.

Александр БАЛТИН

Книжная серия «Авангарды» пополнилась сборником известного московского поэта Андрея Ивонина, который назвал свою книгу, на первый взгляд, незатейливо. Он вроде бы обещает читателю произведения, над которыми не надо ломать голову, размышляя: «Что хотел сказать автор?», но описывает пространство повседневности таким образом, что мини-верлибр, взламывающий границу между искусством и обыденностью, вгоняет нас в ступор:

августовским вечером
назойливый комариный писк над ухом
ну вот
а так все хорошо начиналось

«Облом!», — так говорит молодежь. Хрупкое состояние душевного равновесия лирического героя нарушено, происходит мгновенный переход из одной эмоции в другую. Парадоксальным образом так называемая простота не так уж и проста: собственно техническая часть исполнения отходит тут на второй план, при этом стихотворению не позволено быть скучным набором слов: состояние мгновенного обрушения из медитативного состояния в колющую реальность передается нам, когда мы видим картину, что называется, «жизненную», ситуацию, в которой хотя бы раз в жизни оказывался каждый из нас (дачники и любители турпоходов обреченно вздыхают).

Сложно также дать точное определение самому существительному — «простота». В русском языке данное понятие многозначно, и не всегда звучит в положительном ключе. Есть «святая простота» и «простота хуже воровства». Между тем, гармония — это мера. Более того — идти «срединым путем» под силу не каждому, для этого нужны точные «измерительные инструменты» — поэтическое «чувье», которое не выразишь в единицах метрической системы мер:

Природа в час вечернего заката
так насеком, земноводна и пернато,
что ты и сам, забыв про все приличья,
и думаешь, и говоришь по-птичьи.

Созерцание — ключик к полному слиянию с природой. Это состояние «остановки ума» запускает в человеке режим чуткого внимания к себе и бескорыстного отношения к окружающему миру. Быть простым? Насколько простым? Когда осознаешь, что «простота» и «пространство» — однокоренные слова, понимаешь лирического героя Андрея Ивонина, ему сочувствуешь и немного завидуешь, потому что в предлагаемых автором обстоятельствах может быть счастлив только влюбленный:

В два часа ночи,
у закрытого метро,
с разрядившимся телефоном,
без копейки в кармане
ловить такси,
умирая от счастья.

Андрей Ивонин
Простые вещи
М.: «Издательство Евгения Степанова», 2025

«Сумасшедший!», — фыркнул скептики. Да и пусть злятся, наше дело — разделить эту «немотивированную» радость. Психологи в один голос утверждают (и, если понаблюдать за людьми, мы найдем немало подтверждений), что именно простотой зрелая любовь отличается от юношеской влюбленности. Ты не думаешь, не гадаешь, а любовь ли это? Ты просто знаешь это, уверен в человеке, как в себе самом... Но как быть, когда чувства остывают? Стоит «бороться за любовь» или смириться с неизбежным? Поэт спокойно отвечает на этот вопрос:

Чертят стрелки за кругом круг,
стрелок известна прыть.
Вот так и проходит любовь, мой друг.
Ты спросишь: что делать? — Жить.

Подобное принятие происходящего не свойственно большинству авторов. В основном, лирика угасшей любви — это мучительное сожаление о прошлом, долгое и многословное. Но мудрость не противостоит простоте. Более того, именно мудрости свойственна лаконичность — обращаясь к читателю, поэт делится с нами не только философским взглядом, но и проявляет определенную практичность: нет смысла цепляться за прошлое, или, проще говоря, «если лошадь сдохла, слезь с нее». Обращает на себя внимание образ часов как напоминание и о вечности как о понятии, неподвластном человеческому сознанию, и о быстротечности времени, под влиянием которого рушатся даже те человеческие чувства, которые считаются «вечными». Просто написано? Да.

Страшно? Если вдуматься, да. И светло. И смиренно. В стихотворениях Андрея Ивонина принцип «всему свое время» распространяется как на тонкую сферу человеческих отношений, так и на природные процессы. Лирический герой не оглядывается назад и не подгоняет часы: «ах, скорей бы наступила зима!». Он терпелив. Созерцает переход от глубокой осени к предзимью и с беспристрастием натуралиста констатирует:

Еще не снег. Но копится беда
по перелескам и полям окрестным,
где с неба неизбывная вода
стекает вниз по желобам отвесным.
Где все готово для привычных нег
грядущих зим — и свадебное ложе
из стелых трав, гнилой листвы, но все же
еще не снег.

Красота простора (мы же помним про однокоренные слова?) в произведениях Андрея Ивонина дает нам предчувствие чего-то хорошего, что невозможно пощупать:

майский снег
падает
смешивается
с лепестками черемухи
яблони
вишни
через мгновение
превращаясь
в капельки воды
в слезы
о прошедшей зиме

Понятие, противоположное простоте, — «сложность». Но ведь, если разобрать это слово по составу, вытащив корень, перед нами откроется его суть — «ложь». Разве можно создать что-то хорошее, если кого-то обманываешь?.. Поэзия, как показывает нам Андрей Ивонин, должна раскрывать самые высокие темы не «возвышенными» оборотами. Будничные, разговорные слова не только не снижают «поэтизма» картины, но придают стихотворению особую теплоту. Между тем, легко читаемое не равно легко написанному. Кто знает, сколько черновиков исписал поэт, чтобы донести до нас эту светлую грусть? А ведь кажется, будто он особо и не старался — просто подметил момент, сел и на одном дыхании написал верлибр, в котором услышишь отголоски японской классической поэзии. Остаться верным простоте — значит видеть мир без прикрас, иллюзий и домыслов. И как тут не вспомнить мудрую мысль святого Амвросия Оптинского: «Где просто, там ангелов по сто, а где мудрено, там ни одного»?!

Ольга ЕФИМОВА

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ
АФОРИЗМЫ ПРО КРАСОТУ

Юрий Тубольцев — прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

* * *

Все делай красиво, и красота спасет мир.

* * *

Чтобы выжить в этом мире, ищи спасение в красоте.

* * *

Почаще разговаривайте с незнакомыми, и мир спасет красота человеческого общения.

* * *

Красота спасет мир, если найдет спонсора.

* * *

Красота спасет мир, если только она не застрянет в лифте с плохим парикмахером.

* * *

Красота спасет мир, если мир не решит, что лучше быть уродливым, но богатым.

* * *

Красота спасет мир, если только к ней не прицепится налог на роскошь.

* * *

Красота спасет мир, когда все коты начнут вести философские беседы о смысле жизни, а не просто спать на подоконниках.

* * *

Красота спасет мир, только если мы не забудем, что за ней всегда следует очередь из завистливых эгоистов.

* * *

Красота спасет мир, если люди поймут, что истинная красота — это не идеальная фигура, а способность смеяться над своими шутками.

* * *

Красота спасет мир, если мы сможем придумать, как ее запустить в космос, чтобы она не мешала нам на Земле.

* * *

Красота спасет мир, только если она заранее согласится на участие в реалити-шоу, чтобы привлечь внимание.

* * *

Красота спасет мир, если люди не решат, что лучше быть грустными гениями, чем веселыми идиотами с цветными волосами.

* * *

Красота спасет мир, но только если она не застрянет в пробке на пути к спасению.

* * *

Красота спасет мир, но сначала ей нужно пройти собеседование в отделе кадров.

* * *

Красота спасет мир, но только если она научится договариваться с мудростью.

* * *

Красота спасет мир, но только если она найдет общий язык с неудобными истинами.

* * *

Красота спасет мир, если найдет инструкцию по эксплуатации мира.

* * *

Красота спасет мир, если она не забудет свой пропуск на входе.

* * *

Красота спасет мир, но сперва ей нужно пройти через довольно занятый кабинет психиатра.

* * *

Красота спасет мир, но только когда мир перестанет спорить о том, что такое красота на самом деле.

* * *

Красота спасет мир, но только если у нее будут деньги на такси.

* * *

Красота спасет мир, если сделает селфи и загрузит его в социальные сети.

* * *

Красота спасет мир, если мы научимся видеть ее во всем.

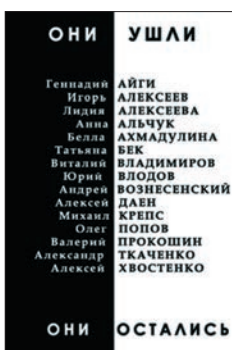
* * *

Красота спасет мир, когда творчество станет основной ценностью человека.

* * *

Красота спасет мир, когда искусство станет языком, объединяющим людей.

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии
«Они ушли. Они остались»,
составленный Евгением Степановым,
всегда в продаже в магазине «Литлавка».

<http://litlavka.ru/>

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Роман Андрея Тараканова начинает интриговать, едва прочтешь заголовок. Почему «Аутисты»? Если этот диагноз становится смыслообразующим, значит, речь в романе пойдет о медиках? И если все так серьезно (аутизм — это не заболевание, которое можно вылечить, это, если можно так выразиться, состояние души), чем закончится взаимодействие главных героев с внешним миром?

А дальше начинается самое интересное. Миров оказываются несколько, они равнозначны, более того, проникают друг в друга, поддерживают, и в конце концов становится ясно, что друг без друга существовать не могут, хотя бесконечно далеки друг от друга. В самом деле, что может быть общего у людей, живущих в Древнем Риме, и наших современников?.. История Пуденции как бы противопоставляется истории Лизоньки, но вместе с тем, «ныряя» из одного мира в другой, девушка в итоге понимает, что за все ошибки надо платить, что однажды совершенное зло запускает цепь событий, на которые уже нет возможности повлиять... Если только — исправить. В следующей жизни. Андрей Тараканов помещает свою героиню в психиатрическую лечебницу, и все события, происходящие с ней в «иной» реальности, видятся нам как особые состояния психики, требующие если не врачебного вмешательства, то пристального наблюдения специалиста. Оттого и воспринимаются эти события как бы «несерьезно», хотя именно они являются движущей силой сюжета. Именно там герои задают друг другу и сами себе философские вопросы. И это сделано специально: у тех героев (Пуденция — дочь сенатора, избалованная, богатая девушка) есть время и силы на рефлексию, не то что у современников, ежедневно спешащих на работу...

Невольно вспоминается знаменитый роман Булгакова «Мастер и Маргарита» — те же приемы (наличие нескольких миров), то же диалектическое противостояние добра и зла, те же мастерски организованные переходы между двумя сюжетами. Только Андрей Тараканов не заигрывает с нечистой силой, поскольку и на земле хватает мерзости. Например, жестокости, которая прикрывается «благими» намерениями создать инновационное лекарство. Роман насыщен разнообразными событиями, детективная линия нарастает с каждой страницей, а между строк легко видится попытка автора ответить на короткий, но «вечный» вопрос: «Что такое любовь?». Язык автора цветист, предложения длинные, их построение удивляет и немного сбивает с толку: разве сейчас, в эпоху клипового мышления, люди способны воспринимать «медленное», плавное течение повествования, которое то и дело «съезжает» на размышления, чтобы дать волю течению мыслей центрального персонажа? Следует заметить, что автор долгое время прожил в Германии, поэтому бросается в глаза педантичность, с которой описаны сюжетобразующие подробности. Немецкий язык очень точен в деталях, там существует строгий порядок слов, при этом сами слова довольно громоздки. Откройте любую немецкую газету — впадете в ступор: газетные статьи содержат по четыре-пять слов, соединенных в одно, длиннобуквенное и неповоротливое. Эта особенность языкового мышления немцев невольно прорастает на русской почве: некоторая «искусственность», неторопливость изложения при-

Андрей Тараканов

Аутисты

М.: «Вест-Консалтинг», 2025

дает языку изложения неповторимую «изюминку»: он как будто немного «не наш», это чувствуешь, но понимаешь не сразу, оттого еще интереснее наблюдать за развитием событий: чем кончится любовная линия дочери сенатора и воспитанника философа Сенеки? Куда делась жена доктора? Останутся ли вместе Лизонька и Герман?.. При этом автор не ханжа: откровенные сцены в романе прописаны достаточно подробно, однако эти подробности не скатываются до уровня банальной «заманухи»: авторское чутье нащупало ту тонкую грань, переходить которую не стоит, если не хочешь, чтобы читатели объявили книгу «непристойной».

С каждым прочтением книги читателю открываются новые смыслы: например, вопрос о кровном родстве главных героев, который мучает читателя с первых страниц, под конец романа оказывается не столь уж и важен. Главное — как изменились эти люди в процессе взаимодействия друг с другом. Открытый финал оставляет читателю простор для воображения: кем же все-таки приходится доктору эта загадочная девушка? Такие мелочи, как родственная связь или настоящее имя — не те факты, на которых нужно заострять внимание, гораздо важнее — что из себя человек представляет, какое настроение он транслирует во внешний мир: «Покончив наводить порядок, Александр Фёдорович устало опустился возле стола на табуретку и взял серый конверт в руки. Щелкнул зажигалкой. Крохотный огонек нехотя лизнул конверт. Набирая силу, он пополз по бумаге, превращая в бессмысленный пепел то, что принадлежало доктору, что он привык называть своим настоящим или воображаемым прошлым, а в темное окно заглядывало запятнанное лицо Луны».

А вопросы читателя множатся: каково влияние прошлого на нашу психику и наше поведение? Доктор перечитывает

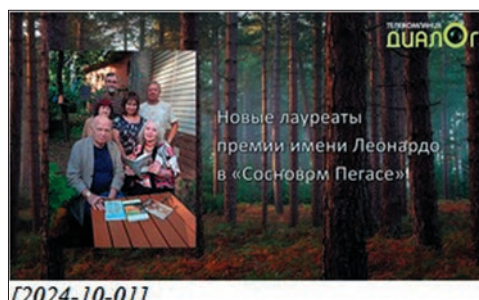
письмо Лизоньки, постоянно возвращается к нему и не может успокоиться, поскольку девушка рассуждает об очень важных вещах: «Сегодня я занимаюсь изучением аутизма. По сути, занимаюсь изучением самой себя. Ведь все человечество, как бы оно того ни отрицало, на деле аутистично. Единственная разница с теми, кого мы называем своими пациентами-аутистами, лишь в том, что они отрицают настоящее, а мы отрицаем прошлое, что по сути одно и то же». Пытливый читатель тут же продолжит цепь рассуждений: это что ж получается, каждый из нас... того? Выходит, так. В каждом из нас есть эта замкнутость, замкнутость на самом себе, о чем и поведал нам пьяненький врач (на трезвую голову об этом рассуждать страшно): «Аутист не видит связи между своими действиями и тем, что происходит с ним. Мы все аутисты. Только не знаем о том. Нам запрещено это знать». Диагноз неутешительный. Однако, если вдуматься, в нем есть немалая доля правды (не могу сказать, что он стопроцентно верен, это было бы слишком тяжело признать!): нам тяжело услышать другого и сделать так, чтобы поняли нас. Александр Фёдорович, например, «прозревает» только на последней странице романа: «Я понял, что Лизка не просто фантазировала или философствовала, она жила, ставя в основу мировосприятия не мысли, а чувства. Только ее чувства не находили отклика в моей душе. Она не узнала меня, а, быть может, и узнала, но хотела, чтобы узнал ее я. Не такую, как я сам для себя ее представлял, какая мне удобна, а ее настоящую!» Кроме того, наше самовосприятие далеко не всегда объективно: нам кажется, что с нами легко и хорошо, а собеседник, возможно, наелся этим общением по самое «не хочу», поскольку его не слышат. Если говорить о романе, то влюбленные едва не расстались из-за недопонимания в этой жизни, а уж в «римской» истории все кончилось трагически, и только осознание своих ошибок спасает пару в нашем времени. Причем, что символично, они по-прежнему из разных социальных слоев, только в этой жизни поменялись местами: в наши дни Герман — академик, а Лизонька — скромная выпускница мединститута. А если по-честному, вопросы человеческих взаимоотношений всегда волнуют больше, чем абстрактности вроде относительности времени или возможности перевоплощения души. Например, трогает за душу кульминационная сцена, в которой главная героиня сбивчиво объясняется с Германом, и мы ее понимаем: «— Герман? — прошептала Лизонька. — С тобой все хорошо? Ты живой? Я не причинила тебе зла? Ведь тогда, в Риме, в таверне ты... Кантидий... я...» Она тоже «закрывает» свой вопрос, и два мира сливаются в настоящем, приходят к согласию... Разговаривая, люди частенько стремятся не к обмену информацией, а к возможности оставить за собой последнее слово. Но когда беседа — всего лишь способ самоутвердиться, донести свое «драгоценное» мнение, и начинается диалог с самим собой, социальный аутизм, от которого не так-то просто вылечиться. Единственный способ предотвратить его — захотеть услышать другого...

Вера КИУЛИНА

РЕКЛАМА

«Диалог» —
ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

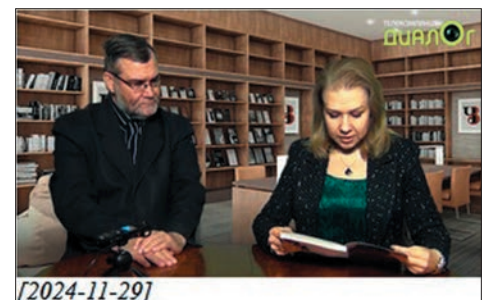
[2024-12-11]

[2024-10-01]

[2024-11-19]

[2024-11-29]

[2022-11-08]

[2024-10-14]

ТЕЛЕКОМПАНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «Диалог»
СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
РАССКАЗЫ И ЭССЕ

ОТКРЫТИЕ

(Из серии «Поселковые невыдуманные рассказы»)

Встретились случайно, в магазине «Магнит», рядом с железнодорожной станцией Быково Раменского района Подмосковья. Я покупал продукты себе, своим котам и своей соседке Наде и ее собакам — Нэнси и Тяпе. Коты мои привыкли к паштету «Вискас», собакам я выбрал недорогую рыбу путассу и куриные желудочки, а себе и Наде — макароны, хлеб, сыр, молоко, капусту, бананы...

В очереди на кассу меня окликнул молодой человек лет пятидесяти пяти.

Я сначала его не узнал, а потом пригляделся: ну, точно, Олежек, мы лет тридцать назад работали в пресс-центре Мосэнерго. Он видеомонтажером, а я главным редактором тамошней многотиражки.

Мы тогда даже дружили. Но дружба московская — штука ненадежная. Пока работаешь вместе — контактишь. А потом... С глаз долой — из сердца вон. Это касается и любви, и дружбы...

И он, и я давным-давно уволились из Мосэнерго.

...Я помнил, что у Олега дача в Быково, но как-то ни разу мы здесь не пересекались.

Я пригласил Олега в гости. Благо, я живу рядом со станцией и «Магнитом».

Олег рассказал о себе. Он, энергетик по образованию, закончил курсы массажистов и открыл свой массажный салон, сын защитил диплом в Литературном институте как прозаик и стал журналистом, точнее пиарщиком, жена работала парикмахером.

— А как ты прожил жизнь? — неожиданно задал глобальный вопрос Олег.

— Обычно, как все. Работал, работаю. Издаю книги, газеты, журналы... Как-то держусь на плаву.

— Я слышал, ты, помимо всего прочего, стал ученым, защитил диссертацию. А какие открытия ты сделал?

— Я сделал, Олежек, только одно открытие, которое никак не связано с темой моей филологической диссертации.

— А какое?

— Я доказал, что Бог есть.

Евгений Степанов — Президент Союза писателей XXI века, Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», кандидат филологических наук, литератор. Живет в поселке Быково (Московская область).

— Не слабо, — улыбнулся Олег. — Очень интересно. Расскажи об этом, хотя бы вкратце!

— Еще в ранней юности, наверное, я тебе это и раньше рассказывал, так вот, еще в ранней юности, в семнадцать лет, я встретил человека, девушку, Наташу, которая явно была создана по Образу и Подобию Божию. Мы учились в одной группе, сидели за одной партой, изучали французский и немецкий языки, русский и латынь. А в возрасте восемнадцати лет мы поженились и прожили вместе сорок лет, до ухода Наташи в мир иной. Да, она ушла к Богу в 2021 году. Ковид. Ушла моя Наташа... Я не встречал более доброго, более умного, более красивого человека. Она меня всегда прощала и поддерживала, она, собственно, меня и сделала хоть отчасти похожим на человека. У нас, как ты знаешь, родилась дочка. Она теперь актриса и режиссер. А я теперь точно знаю: Бог — это любовь.

— Но об этом как раз и говорится в Писании, — еще раз улыбнулся Олег.

— Я знаю. Но эту истину я открыл сам. Это мое личное открытие. И это мое доказательство существования Бога. Наташа — вот мое доказательство существования Бога.

— Я думаю, ты прав, — неожиданно согласился Олег. Он ушел. Мы потом еще созванивались. И даже встречались. Но таких серьезных разговоров больше не вели.

2024

ОХРАННИК ЕРЁМА

(Рассказ)

Много лет я арендую небольшой офис в самом центре Москвы, в районе Тверской улицы, напротив Мэрии. Это очень удобно. Клиентам легко добираться и вся инфраструктура большого города — к твоим услугам. Конечно, дороговато. Но все равно это выгодно. Место имеет большое значение...

Бизнес у меня сомнительный — я выпускаю книги. Денег это больших не приносит. Но зато я при деле. И никто не скажет, что я бездельник. Руководжу я издательством уже 22 года. Из них десять лет сижу здесь, на Тверской.

Место у нас престижное. И само здание престижное. Даже немного пафосное. Трехэтажный особняк XIX века. Колонны. Огромный холл. В холле — аквариум и плазма. Буфет. Внутренний ухоженный дворик, где растут молоденькие елочки и декоративные кусты, стоит уютная беседка и тянутся вдаль ухоженные дорожки, выложенные тротуарной плиткой.

Самые солидные люди в здании — охранники. Они всегда в пиджаках и при галстуках. Но иногда происходят разные забавные казусы...

Охранник Еремей (все его за глаза называют Ерёмой) появился совсем недавно.

Когда я его впервые увидел на вахте, то сразу же представился, сказал, что я директор издательства из комнаты 21.

Еремей (ему лет пятьдесят, высокий, жилистый, кареглазый) обрушил на меня лавину слов:

— Очень-очень приятно! А я в прошлом офицер российской армии, комиссован по состоянию здоровья, был контужен, но хочу еще Родине послужить. Вот теперь буду здесь.

Буду ваше здание охранять. На СВО меня не берут. Говорят, мол, свое отвоюю. Но я еще буду писать министру. Надеюсь, меня возьмут.

С тем пор дважды в день (когда приходил на работу и когда уходил с нее) я слушал рассказы Еремея об армии, о его контузии, о международном положении, об «Искандерах» и «Хаймарсах»...

Ну, любит человек поговорить. Разве это порок?! Но кому-то это не понравилось. Видимо, кто-то из арендаторов пожаловался руководству здания на говорливого охранника. И руководство сделало замечание Еремею. Мол, не надо там много трепаться. Особенно на политические темы, об армии и т.д. Ваша задача — выдавать ключи и следить за порядком.

— А что говорить совсем нельзя?! — взмолился Ерёма.

— Можно, но немного. И на нейтральные темы. Например, о погоде, — сказала начальство.

Как настоящий военный Ерёма приказ воспринял буквально и конкретно.

И теперь он всех арендаторов (и меня в том числе) ежедневно атаковал рассказами о погоде.

— Здравствуйте, здравствуйте, — говорил он при встрече в конце ноября, — вот и началась мерзкая московская зима. Опять грязь. Ноябрь — это что-то среднее... И не зима, и не осень. Будьте осторожны — гололед. А вот в Крыму сейчас плюс десять. И в Геленджике плюс десять. Даже в Таганроге тепло. Некоторые купаются. Я сам по телевизору и в соцсетях видел. Помните, как в фильме «Асса», там Говорухин играет бандита? И вот он, Говорухин, там зимой, в Ялте, купался. А у нас слякоть, гололед, грязь. Это Москва.

Теперь я (и весь остальной офисный планктон) знал, какая погода в любом регионе России, какие прогнозы на завтра и послезавтра, какую одежду следует надевать и т.д.

Ерёма нас всех просвещал. Люди привыкли. Ну, говорит человек и говорит, пять минут в день можно потратить на отвлеченную беседу. Не все же время вести деловые разговоры.

Проработал Еремей у нас два года.

А потом все-таки уволился.

Другой охранник, Володя, сказал, что Ерёма добился контракта на СВО.

2024

ДВЕ ТОННЫ ДОЛЛАРОВ

Суетишься, крутишься, вкалываешь, пытаешься хоть что-то заработать, занимаешься, как принято говорить, бизнесом. Добудешь тридцать тысяч рублей — уже рад. Можно еды купить и новый костюм.

И тут проходит интересная информация в прессе. Один беглый политик вывез из своей страны две тонны долларов. Д в е т о н н ы д о л л а р о в! Вот это я понимаю — уровень. Вот это я понимаю — размах.

Не два миллиона, не два миллиарда, а две тонны. Грузовик денег.

А бизнесом этот человек вроде никогда не занимался. И нет этого человека ни в каких списках Форбс.

2024

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

з а х о д и т е ! ч и т а й т е ! з а к а з ы в а й т е !

Продолжение. Начало на стр. 1

Парадоксально, что этот афоризм написал пером на листке бумаги калека, родившийся без рук — «природа забыла приклеить руки к плечам» (2, 371). Безрукий уродец научился все делать ногами, даже держать перо и писать ровным, красивым почерком. Окрыляющая фраза о счастье, сочиненная и написанная человеком-«феноменом» на глазах изумленной толпы и подаренная мальчику-рассказчику, обладает чудодейственной способностью духовно поддержать каждого в трудную минуту.

Первую редакцию рассказа «Парадокс» Короленко завершил следующим автобиографическим, лирическим признанием: «И не раз мне казалось, что за плечами у меня вырастают крылья, а потом я чувствовал себя беспомощным, разбитым и бессильным, как червяк, раздавленный в дорожной пыли. Бывали безумные удачи и постыдные поражения, сердце не раз трепетало от восторга и сжималось смертельной тоской, мир раскрывался навстречу моим надеждам и замыкался четырьмя стенами душевной тюрьмы... Но никогда с тех пор я не забывал странного афоризма, написанного ногами парадоксального счастливица <...>

— Человек создан для счастья, как птица для полета...» (2, 473–474)

Эта вдохновляющая идея определяла отношение Короленко к миру и человеку. Современники также отмечали «прирожденный оптимизм» писателя. Так, например, в письме к Плещееву от 9 апреля 1888 года Чехов говорил о Короленко, что «идти не только рядом, но даже ЗА этим парнем весело».

Фундаментом такого мировосприятия явилось глубокое убеждение Короленко в том, что каждому человеку свойственно «инстинктивное, органическое влечение к свету» (2, 89). Данное ключевое воззрение получило глубокую психологическую и ювелирно тонкую этико-эстетическую разработку в повести «Слепой музыкант. Этюд» (1886–1898). Это одно из наиболее совершенных произведений писателя, вошедшее в золотой фонд русской литературы.

Герой повести — слепорожденный Пётр Попельский. Природа лишила его зрения, но взамен вознаградила выдающимися музыкальными способностями. Развивая этот дар, необыкновенно чутко воспринимая мир в основном через слышимые звуки, герой со временем становится гениальным пианистом: «Многочисленная публика собралась слушать оригинального музыканта. Он был слеп, но молва передавала чудеса о его музыкальном таланте и о его личной судьбе. <...> и это бледное лицо с выражением вдумчивого внимания, и неподвижные глаза, и вся его фигура предрасполагали к чему-то особенному, непривычному» (2, 212–213).

Во время дебютного концерта фортепианная «могучая импровизация, так свободно льющаяся из души музыканта», потрясает души и сердца слушателей: «звуки росли, крепили, полнели, становились все более и более властными, захватывали сердце объединенной и замиравшей толпы» (2, 213).

Эволюция личности главного героя повести, прослеженная с самого раннего его детства, духовная жизнь, богатый внутренний мир, «душевный кризис <...> и его разрешение» (2, 89) становятся у Короленко предметом тончайшего художественно-психологического анализа.

Поначалу маленький незрячий Петрусь сосредоточен только на своей слепоте и переживает ее как огромное несправимое несчастье. Мальчику представляется, что он исключен из нормальной жизни и навсегда замкнут в непроницаемом мраке, из которого нет и не будет выхода.

Озлобление своим несчастьем постепенно исчезает, личное горе отходит на задний план. Петрусь открывает навстречу миру и людям — с их радостями и страданиями, навстречу полноте бытия. Оно преисполняется для юноши не только звуками, но и красками, зримыми образами. Слепой почти начинает видеть: «И перед незрячими глазами встало синее небо, и яркое солнце, и прозрачная река с холмиком, на котором он пережил так много и так часто плакал еще ребенком... И потом и мельница, и звездные ночи, в которые он так мучился, и молчаливая, грустная луна... И пыльный шлях, и линия шоссе, и обозы с сверкающими шинами колес, и пестрая толпа, среди которой он сам пел песню слепых...

Или в его мозгу зародились фантастическими призраками неведомые горы, и легли вдаль неведомые равнины, и чудные призрачные деревья качались над гладью неведомых рек, и прозрачное солнце заливало эту картину ярким светом, — солнце, на которое смотрели бесчисленные поколения его предков?» (2, 211)

Среди читателей повести нашлись скептики, которые не верили в возможность такого преображения: «Мне говорили часто и говорят еще теперь, что человек может тосковать лишь о том, что он испытал. Слепорожденный не знал света и не может тосковать по нем» (2, 467). В предисловии к шестому отдельному изданию своего произведения Короленко развеял эти сомнения: «И в устных, и в печатных критических замечаниях мне приходилось встречать возражение, по-видимому, очень основательное: по мнению возражающих, этот мотив отсутствует у слепорожденных, кото-

рые никогда не видели света и потому не должны чувствовать лишения в том, чего совсем не знают. Это соображение мне не кажется правильным: мы никогда не летали, как птицы, однако все знают, как долго ощущение полета сопровождает детские и юношеские сны» (2, 89).

Во многом внутреннему просветлению слепого мальчика способствует воспитание, которое он получает от своего родного дяди Максима. В молодости тот отважно сражался в отряде легендарного Джузеппе Гарибальди за освобождение Италии от австрийских оккупантов, получил боевые ранения и увечья: «Правую ногу ему совсем отрезали, и потому он ходил на костыле, а левая рука была повреждена и годилась только на то, чтобы кое-как опираться на палку» (2, 94).

Бывший гарибальдиец-инвалид воодушевлен идеей сформировать из племянника — человека с ограниченными возможностями — активного участника жизни, умеющего отрешиться от собственных душевных ран во имя любви к ближнему: «Кто знает, — думал он, — ведь бороться можно не только копьем и саблей. Быть может, несправедливо обиженный судьбою подымет со временем доступное ему оружие в защиту других, обездоленных жизнью, и тогда я недаром проживу на свете, изувеченный старый солдат...» (2, 103)

В эпилоге — в сцене дебюта своего воспитанника — дядя Максим осознал, что «сделал свое дело, и он недаром прожил на свете, ему говорили об этом полные силы властные звуки, стоявшие в зале, царившие над толпой» (2, 215). «Это уже не одни стоны личного горя, не одно слепое страдание. <...> “Он прозрел, да, это правда — он прозрел”, — думал Максим» (2, 214).

Парадоксальным образом свершилось, казалось бы, невозможное: слепой музыкант прозрел, а зрячая толпа праздных зрителей была ослеплена той тьмой неизбывного всеобщего горя народа, которое изливалось в его песнях и выплеснулось мощной волной в талантливых импровизациях слепого музыканта. Ранее юноша был не в силах бороться с разъедающей душевной болью за всех обездоленных, бесправных, нищих и убогих. «Теперь он одолел ее в своей душе и побеждал души этой толпы глубиной и ужасом жизненной правды... Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой жизни... Казалось, будто удар разразился над толпой, и каждое сердце дрожало, как будто он касался его своими быстро бегающими руками» (2, 214).

Стон былого личного несчастья Петра Попельского, некогда погруженного во мрак слепоты, преодолевается силой яркого света, ощущением счастья, открывшегося в музыке: «Из-под рук музыканта опять, как и некогда, вырвался стон. Вырвался, прозвенел и замер. И опять живой рокот, все ярче и сильнее, сверкающий и подвижный, счастливый и светлый» (2, 214).

На пути к Свету — заданному в Евангелии христианскому идеалу совершенства и совершенствования: «*поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны*» (Ин. 3: 21), — слепой от рождения герой повести Короленко становится зрячим. «Да, он прозрел... На место слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...» (2, 214–215).

Так воплощается, обретает новую жизнь евангельское предание о слепом от рождения, которого исцелил Христос, возвестивший: «*Я пришел, чтобы слепые прозрели*»; «*пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы*» (Ин. 9: 39). В Новом Завете тема просветления и прозрения — одна из наиболее волнующих и прекрасных. Прозрение духовное открывает человеку спасительное благовестие Христа: «*Я есть Путь, и Истина, и Жизнь*» (Ин. 14: 6).

Стихией светозрения овеваны и многие другие произведения Короленко. Их основной мотив носит пасхальный характер: это движение от мрака — к свету, от неволи и рабства — к свободе, от угасания — к возрождению, от смерти — к жизни.

Такова повесть «В дурном обществе» (1885), знакомая всем со школьных лет по хрестоматийному фрагменту «Дети подземелья».

Маленькая героиня Маруся, за неимением человеческого жилья ютящаяся с братом и с бродягой паном Тыбурцием среди могильных камней в кладбищенском склепе, тихо угасает от тяжелой болезни, вызванной голодом и холодом. Короленко с необыкновенной нежностью создает образ хрупкой девочки-сироты, с малолетства вынужденной обитать на самом «дне» социального устройства, в «дурном обществе» бесприютных бродяг и нищих отщепенцев.

Так называемое «порядочное общество» не желает даже слышать о таких людях, а если приходится с ними сталкиваться, смотрит на них с ужасом и брезгливым отвращением. Однако маленький герой, от лица которого ведется повествование, и его младшая сестра Соня — дети из обеспеченной семьи, не нашедшие душевной ласки в доме родного отца — городского судьи, — именно в «дурном обществе» обретают

настоящую дружбу, получают уроки суровой правды жизни, учатся милосердию и состраданию.

Безвременная смерть Маруси, память о ней заставляют ее друзей по-новому взглянуть на жизнь, развить свое горячее желание приходить на выручку обездоленным и всем, кто нуждается в помощи и поддержке: «Мы с Соней, а иногда даже с отцом, посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей березы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькой могилкой свои обеты» (2, 66).

Обеты бороться с несправедливостью, социальным неравенством, произволом власть имущих, вставать на защиту обездоленных и угнетенных, на борьбу с рабством в любой его форме исполнял писатель своим творчеством, всей своей жизнью.

Замечательная повесть Короленко «Без языка» (1895–1902), написанная по собственным впечатлениям от поездки в США, обличает рабство прямое и скрытое, внутреннее. По поводу третьего отдельного издания повести писатель в предисловии пояснял: «Эта книга написана после моей поездки в Америку на выставку в Чикаго. Мое знакомство с Америкой кратковременно и недостаточно. Поэтому я предпочел в центре поставить фигуру своего земляка. Эта книга не об Америке, а о том, как Америка представляется на первый взгляд простому человеку из России» (4, 489).

Угнетение чернокожих в Соединенных Штатах вызывает негодование писателя: «Негр должен при встрече обходить американца. Два негра, беседующих на тротуаре, обязаны непременно посторониться оба, — американец оскорбляется, если ему пришлось свернуть. Цветные — держатся в терроре. От времени до времени идет крик, что негры зазнались, и при первом пустом проступке — линч и казнь...

Экономические отношения проникнуты самым примитивным грабежом... негров заставляют брать в известных лавочках, за все ставят цены вдвое и втрое, держат их в невежестве и в вечном долгу» (1, XXVI–XXVII), — заносит Короленко свои наблюдения в писательский дневник.

Но и в капиталистической России простой народ, подобно американским потомкам чернокожих рабов, также содержится сильными мира сего в нищете, «в невежестве и в вечном долгу». В поисках лучшей доли отправляется в далекую заокеанскую страну герой повести «Без языка» горемыка-крестьянин Матвей Лозинский. Соблазнившись рассказами об американских «свободах», предпринимает он свое трудное путешествие.

Однако и за океаном наивного бедолагу поджидают бедствия, горечь, разочарование: «сердце Лозинского трепетало и сжималось от ужаса. Только теперь он понял, что такое эта Америка <...> “Боже мой, Боже мой, — думал Матвей. — Да здесь человек, как иголка в траве, или капля воды, упавшая в море ...”» (4, 28)

«А все-таки мысль о свободе сидела в голове у Матвея. <...> — А что, скажите на милость... Какая там у них, люди говорят, свобода?

— А, рвут друг другу горла, — вот и свобода ... — <...> Поэтому я, признаться, не могу понять, зачем это иным простакам хочется, чтобы их ободрали непременно в Америке, а не дома... <...> на этом свете, кто перервал друг другу горло, тот и прав... А что будет на том свете, это когда-нибудь увидит и сами...» (4, 22), — так опытный, видавший виды земляк героя наставляет его на пути в неизведанные края.

Матвей, к своему несчастью, не знает ни языка, ни обычаев, ни принятых норм социального поведения в новой для него стране. Отсюда проистекают его многочисленные бедствия и заключения.

Он приехал в Америку с готовностью изо всех сил трудиться, честно зарабатывать свой хлеб. Матвей — подлинный славянский богатырь: «человек огромного роста, в плечах сажень, руки, как грабли, голова белокурая, курчавая, величиною с добрый котел, — настоящий медведь из пуши. <...> Только глаза и сердце — как у ребенка» (4, 12). Но чистый душевный строй героя, его человечность, трудолюбие, лучшие качества его бесхитростной, прирожденно честной натуры несовместимы со звериными законами капитализма, порождением которых являются все те же бесправие, безработица, нищета, подавление личности. В жестоком социуме, существующем по законам джунглей, где сильный пожирает слабого, на простодушного человека «без языка» тоже готовы смотреть как на бешеного зверя или кровожадного дикаря.

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

На родине Лозинского принято было в знак почтения низко кланяться и целовать руку господам: «В той местности, откуда он был родом, люди, носящие сермяжные свиты, имеют обыкновение выражать свою любовь и уважение к людям в шуртках — посредством низких, почти до земли, поклонов и целования руки» (4, 98). В Америке Матвей не изжил этой рабской привычки. Но когда он тянется губами к руке булочника, продавшего хлеб, или к руке полисмена, или судьи, тем представляется, что дикарь намеревается их укусить. Полицейский Гопкинс даже давал по этому поводу интервью газетному репортеру: «незнакомец удивил его своим непонятным поведением: “Сняв с головы свой странный головной убор (по-видимому, из бараньего меха), он согнул стан таким образом, что голова его пришлась вровень с поясом Гопкинса, и, внезапно поймав одной рукой его руку, потянулся к ней губами с неизвестною целью. Гопкинс не может сказать наверное, что незнакомец хотел укусить его за руку, но не может и отрицать этого» (4, 79).

За свое необычное поведение, свой диковинный вид: белую сермяжную свитку, высокую баранью шапку, огромные грубые сапоги — «Матвей Лозинский из Лозищей стал на несколько дней самым знаменитым человеком города Нью-Йорка, и каждый шаг его в эти дни был прослежен очень точно» (4, 76). За загадочным «нью-йоркским дикарем», «человеком, который кусается» (4, 120), пристально следили охотники до сенсаций репортеры. Репортажи о «загадочной личности» были растиражированы по всей Америке.

Короленко во всех подробностях описывает горестные мытарства своего героя, потерявшегося в каменных джунглях громадного безжалостного города: «невдалеке от огромного здания газеты “Tribune” странный человек зачерпнул воды у фонтана и пил ее с большой жадностью»; толпы американцев «обратили внимание на странного человека, который, стоя в середине этого людского потока, кричал:

— Кто в Бога верует, спасите!

Но, разумеется, никто его не понял» (4, 83). Крик отчаяния среди толпы остается гласом вопиющего в пустыне. Никто не спасет, не протянет руку помощи. «Какой-то дикарь в фантастическом костюме. Наша страна существует не для таких субъектов...» (4, 94), — так считают безучастные обыватели.

В Центральном парке Матвей случайно становится свидетелем и участником митинга безработных. И здесь человек «без языка» впервые в полной мере постигает даже невербальным способом настроения и чаяния подобных себе людей, пусть и говорящих на другом языке. Происходит внутреннее единение Матвея Лозинского с таким же, как и он сам, обездоленным трудовым людом: «В груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. В первый еще раз на американской земле он стоял в толпе людей, чувство которых ему было понятно, было в то же время и его собственным чувством. Это нравилось ему, это его как-то странно щекотало, это его подмывало на что-то. Ему захотелось еще большего, ему захотелось, чтобы и его увидели, чтобы узнали и его историю, чтобы эти люди поняли, что и он их понимает, чтобы они оказали ему участие, которое он чувствует теперь к ним. <...>

Он не знал, куда он хочет идти, что он хочет делать, он забыл, что у него нет языка и паспорта, что он бродяга в этой стране. Он все забыл и, ожидая чего-то, проталкивался вперед, опыненным после одиночества сознанием своего единения с этой огромной массой в каком-то общем чувстве, которое билось и трепетало здесь, как море в крутых берегах» (4, 97–98).

Это внезапно нахлынувшее радостное чувство единения, надежда на взаимопонимание требуют эмоционального выхода: «Он только шел вперед, с раскрытым сердцем, с какими-то словами на устах, с надеждой в душе» (4, 99). На беду «на пути лозищанина оказался мистер Гопкинс, бывший боксер и полисмен» (4,98). Именно на него Матвей «излил <...> все то чувство, которое его теперь переполняло: чувство огорчения и обиды, беспомощности и надежды на чью-то помощь. Одним словом, он наклонился и хотел поймать руку мистера Гопкинса своими губами» (4, 99). Иного выражения своих лучших чувств, чем целование руки, забытый российский крестьянин не знает.

В ответ на свой душевный порыв Матвей получает тяжелый удар полицейской дубинкой. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения: «если на приветствие последовал хороший удар по голове... <...> Это, конечно, затемняет рассудок и освобождает страсти!» (4, 121)

С психологической достоверностью показывает Короленко контрастную смену переживаний своего героя. Вопиющая несправедливость, обманутые надежды на взаимопонимание и сочувствие превращают незлобивого, смиренного человека в ожесточенного зверя: «Лозищанин внезапно поднялся, как разъяренный медведь... По лицу его текла кровь, шапка свалилась, глаза стали дикие. <...> не было уже человеческого силы, которая была бы в состоянии сдержать его. Неожиданное оскорбление и боль переполнили чашу терпения в душе большого, сильного и кротко-

го человека. В этом ударе для него вдруг сосредоточилось все то, что он пережил, перечувствовал, перестрадал за это время, вся ненависть и гнев бродяги, которого, наконец, затравили, как дикого зверя» (4, 99–100).

Он сбил с ног обидчика, «полисмен Гопкинс упал на землю, среди толпы, которая вся уже волновалась и кипела... За Гопкинсом последовал его ближайший товарищ, а через несколько секунд огромный человек, в невиданной одежде, лохматый и свирепый, один опрокинул ближайшую цепь полицейских города Нью-Йорка... За ним с громкими криками и горящими глазами первые кинулись итальянцы» (4, 100).

Те же безработные итальянцы снова проявили человеческую солидарность, когда помогли Матвею бежать с места происшествия; посадили в поезд, увезший героя в другой штат, далеко от Нью-Йорка. Но, сойдя с поезда, неприкаянный странник на чужбине не знает, куда ему податься, где приклонить голову. С обреченной покорностью судьбе апатично сидит он на железнодорожной станции.

Вконец загнанному, «голодному, истерзанному и потрясенному» (4, 131) Матвею Лозинскому остается только уповать на милость Божию, только молиться: «Господи Боже, Святая Дева, — бормотал он, — помогите несчастному человеку» (4, 132).

Молитвы героя были услышаны. Ему чудом повезло. Он не погиб, не пропал, не попал в тюрьму. Но лишь благодаря случайности — встрече с обжившимся в Новом Свете земляком, который принял горячее участие в судьбе Матвея.

Но от скольких подобных ему искателей лучшей доли отвернется фортуна в чужой стране, — размышляет писатель в финале повести: «перед отъездом из Нью-Йорка Матвей и Анна отправились на пристань — смотреть, как подходят корабли из Европы. И они видели, как, рассекая грудью волны залива, подошел морской гигант, и как его опять подвели к пристани, и по мосткам шли десятки и сотни людей, неся сюда и свое горе, и свои надежды, и ожидания... Сколько из них погибнет здесь, в этом страшном людском океане?» (4, 145)

Если такие люди выживут, их неизбежный удел — постепенная утрата национальной самобытности, родного языка, родины. Родины, несправедливое социально-политическое устройство которой вынудило закабаленных людей бежать на свой страх и риск в чужеземные края в призрачной надежде на лучшее: «Матвею становилось грустно. Он смотрел вдаль, где за синюю дымкой легкого тумана двигались на горизонте океанские валы, а за ними мысль, как чайка, летела дальше на старую родину... Он чувствовал, что сердце его сжимается сильною, жгучею печалью...

И он понимал, что это оттого, что в нем родилось что-то новое, а старое умерло или еще умирает. И ему до боли жаль было многого в этом умирающем старом <...> Матвей сознавал, что вот у него есть клоч земли, есть дом, и телки, и коровы... Скоро будет жена... Но он забыл еще что-то, и теперь это что-то плачет и тоскует в его душе... Уехать... туда... назад... где его родина <...> Нет, этого не будет: все порвано, многое умерло и не оживет вновь, а в Лозищах, в его хате живут чужие. А тут у него будут дети, а дети детей уже забудут даже родной язык» (4, 145).

На этой щемящей ностальгической ноте завершается повесть «Без языка».

Во многих своих произведениях Короленко показывает мечты, порывы к свободе, к привольной жизни загнанных, забитых, угнетенных людей.

Символичен образ узника, заточенного на целые десятилетия в тюремной башне над морем, в рассказе «Мгновение» (1886–1900). Для героя ценнее, чем длительное прозябание в заключении, один упоительный миг свободы. Ради него узник — в прошлом мятежник и отважный флибустьер — готов рискнуть жизнью.

За долгие годы он сумел подточить решетку и в ураганную ночь выпрыгнул из окна башни в бушующее море: «Впереди были только хаос и буря. Кипучий восторг переполнил его застывшую душу. Он <...> громко крикнул... Это был крик неудержимой радости, безграничного восторга, пробудившейся и сознавшей себя жизни... Сзади раздался заглушенный ружейный выстрел, потом гул пушечного выстрела понесся вдаль, разорванный и разметанный ураганом. <...> и тот же восторг переполнял его грудь... Он знал, что он свободен, что никто в целом мире теперь не сравняется с ним, потому что все хотят жизни... А он... Он хочет только свободы» (2, 397).

Такое же страстное желание свободы испытывал и сам Короленко, когда был арестован и заключен в одиночную камеру военно-каторжного отделения тобольской тюрьмы. Здесь он сочинил стихотворение, в котором в полной мере нашла художественное выражение тема тюремного узничества и свободолюбия:

Вкруг меня оружие, шпоры,
Сабли звякают, бренчат,
И у «каторжной» затворы
На пол падают, гремят.

«ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ» (ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО)

И за мной закрылись двери,
Застонал, звеня, замок...
Грязно, душно, стены серы...
Мир — тюрьма... Я одинок...

А в груди так много силы,
Есть чем жить, страдать, любить...
Но на дне тюрьмы-могилы
Все приходится сложить...

Страшно... Светлые мечтанья
Вольной юности моей
И святые упованья
В силу гордую идей

Смолкли все и в миг единый
Улеглись в душе на дне...
Божий мир сошелся клином,
Только свету, что в окне!.. (2, XI–XII)

Это одно из немногих произведений Короленко, в котором отразились печаль, тоска и отчаяние. Писатель быстро преодолевает эти настроения со свойственными его натуре жизнелюбием и оптимизмом. Даже на пересильном этапе он умудряется находить позитивные стороны: «Вы помните, что я мечтал о летнем путешествии, — ну вот, хоть на привязи, а путешествовую», — пишет Короленко другу. Говоря о своих скитаниях по отдаленным, глухим уголкам страны в ссылках, писатель замечал, что «в народ» он «был доставлен на казенный счет».

Наблюдения и впечатления от скитальческой жизни отразились в целом ряде сибирских рассказов, путевых очерков, дорожных зарисовок: «Соколинец», «По пути», «Сон Макара», «Убивец», «Фёдор Бесприютный», «Марусина заимка. Очерки их жизни в далекой стороне», «Ат-Даван. Из сибирской жизни», «Мороз», «В пустынных местах», «За иконой», «Последний луч» и многих других.

Так, идейно-художественная доминанта очерка «Последний луч» (1900) — все та же неодолимая жажда света. Обитателям мрачного ущелья сибирской реки Лены «охота солнушко посмотреть» (1, 384). Дедушка с маленьким внуком выходят каждый раз на определенное место, откуда раз в день бываю видны солнечные лучи: «За горами совершалось что-то ликующее и радостное. Дно расселины все разгоралось. Казалось, солнце подымается с той стороны по склонам хребта, чтобы заглянуть сюда, в эту убогую щель, на эту темную реку, на эти сиротливые избушки, на старика с бледным мальчиком, ждавших его появления» (1, 385).

Крохотный, объемом в одну страничку, рассказ «Огоньки» (1900) — это большое, философски глубокое, символическое обобщение жизненного пути человека и человечества. Его вечного целеустремленного движения вперед — к лучшей жизни, счастью, будущей вселенской гармонии — к цели, неизменно влекущей, но бесконечно отдаляющейся; казалось бы, недостижимой.

Ненастным осенним вечером плывет путешественник по угрюмой сибирской реке. Вспыхнувший во мраке вдали огонек дарит призрачную надежду на скорое пристанище: «Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом, — и путь кончен... А между тем — далеко!.. И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня, — все так же близко, и все так же далеко...» (1, 379)

Но главный смысл этого лирического этюда, как и всего творчества Короленко, в том, что сияющие далеко впереди огоньки, как спасение, влекут к свету, укрепляют силы, вселяют надежду и веру: «Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..» (1, 379)

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, член Союза писателей России

ПРИМЕЧАНИЯ

- Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. — М.: ГИХЛ, 1953–1956. — Т. 2.— С. 89. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 11.— С. 139.

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ 22 ГОДА.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более

1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!**

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Три мушкетера».
4. Автор романа «Война и мир».
5. Автор повести «Тарас Бульба».
7. Автор романа «Белая гвардия».
8. Автор романа «Дворянское гнездо».
11. Автор романа «Мальчик со шпагой».

По вертикали:

2. Автор романа «Вратарь республики».
3. Автор романа «Собор Парижской Богоматери».
6. Автор романа «Идиот».
9. Автор романа «Двадцать тысяч лье под водой».
10. Автор романа «Два капитана».
12. Автор романа «Солярис».
13. Автор романа «Три товарища».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 89. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007